

В. Г. Белинский

Цын-Киу-Тонг

(,) или Три

добрые дела духа...

Виссарион Григорьевич Белинский

**Цын-Киу-Тонг (,) или Три
добрые дела духа тьмы.
Фантастический роман в
четырех частях, Р. Зотова**

«...Дальнейшее рассмотрение этой действительно интересной книги, за сочинение которой к колпаку автора стоило бы привесить пять желтых бубенчиков и таким образом возвести его в мандарины 5-й степени, – дальнейшее рассмотрение этой книги еще более убедит всех и каждого, что она – действительно китайское творение и вышла из глубочайших недр духа мандарина 5-й степени...»

**Виссарион Григорьевич
Белинский
Цын-Киу-Тонг (,) или Три
добрые дела духа тьмы.
Фантастический роман в
четырех частях, Р. Зотова**

*ЦЫН-КИУ-ТОНГ (,) ИЛИ ТРИ ДОБРЫЕ
ДЕЛА ДУХА ТЬМЫ. Фантастический
роман в четырех частях, Р. Зотова.
Санкт-Петербург. В тип. Ильи Глазу-
нова и К°. 1840. В 12-ю д. л. В I-й части –
408; во II-й – 379; в III-й – 333; в IV-й – 141
стр.*

Ба! да вот и китайский роман!.. О счастье! Броман мандаринский! настоящий, неподдельный, истинный китайский роман! Какое блаженство!.. Талантливый и многоуважаемый нами г. Р. Зотов только издатель этой книги, вышедшей в *небесной*, или *средиземной*, империи и переведенной на русский язык одним промышленником, живущим в Кяхте. Все это превосходно и увлекательно изложено в предисловии к роману – обстоятельство, которое и заставляет нас сделать из него следующую выписку:

Недавно в небесной или средиземной империи, которую мы почему-то называем Китаем, вышла книга: «Цын-Киу-тонг, или Три добрые дела духа тьмы». Книгу эту написал один из ученых кандидатов, недавно возведенный в 5-ю, или последнюю, степень мандаринов. Хотя мы привыкли слово мандарин принимать в значении русского слова вельможа, но это большая ошибка. Только первоклассные мандарины, то есть имеющие пять шариков на шапке, могут идти наравне с нашими вельможами; прочие же, начиная с

2-го и до 5-го класса, постепенно переходят в значение наших сенаторов, директоров департаментов, губернаторов и кончаются (?) начальниками отделений и вице-губернаторами (!!). А как в Китае пишут книги не одни ученые, но даже первейшие сановники государства, то оттого там ремесло это и не в таком унижении, как у иных западных народов, где аристократическое общество никогда не решится принять в свой круг писателя; где журналистика в самых грязных руках и где звание литератора самая дурная рекомендация для общественной доверенности и государственной службы, где всякое правительственное полулицо искоса смотрит на всякого автора и при всяком случае старается истребить его, как создание вредное и ничтожное. (Как при этом случае не вспомнить с истинною и благоговейною признательностию, что у нас на святой Руси Державин, Дмитриев, Карамзин и Жуковский[1] чрез литературные свои дарования были взысканы отличными милостями монархов!) Одну из удивительнейших редкостей

при этой китайской книге составляет еще и то, что автор, при издании ее в свет, не напечатал своего имени. Он только сказал в конце, что «все сие сочинял бывший кандидат пекинского училища, который за самую сию книгу возведен на степень мандарина 5-го разряда»[2]. Скромность ли это, или авторско(и)й расчет, чтоб возбудить любопытство публики, – это составляет тайну сочинителя или литературный обычай небесной империи. У нас, в Европе, редко скрывают свое имя, и под самыми ничтожными статьями видим мы роковые заглавные литеры фамилий, которые, к сожалению, слишком известны в нашей литературе, чтоб нужно было выставлять полные имена, которые составляют иногда грязные пятна для человечества и словесности. Скрывают же в европейской словесности только те имена, которые совестно объявить. У китайцев же совсем другие нравы, обычаи и понятия, к которым нам трудно применить. У них нет такого множества журналов, нет грязных полемических пиявок, нет бессовестных кри-

тик, нет бездушных рецензентов, нет литературных акционеров, нет общества для битья по карманам.

Жадность к личному прибытку, конечно, общая добродетель всех народов, но по крайней мере она не везде проявляется в наглом, грязном, отвратительном виде. В Китае само правительство исполняет обязанности европейских журналистов. Там верховный литературный суд первоклассных мандаринов решает, хороша ли книга или нет; и если уже она выпущена в свет, то в Китае это значит, что она хороша (;) иначе ее никто и не видал бы.

Следственно, книга Цын-Киу-тонг признана была хорошею, и автор за свое сочинение был награжден даже следуюющею гражданскою степенью. Каким образом она недавно попала в руки одному русскому промышленнику, живущему в Кяхте, и верен ли этот перевод: – все это немного загадочно (ч. 1, стр. 9–14){1}.

Дальнейшее рассмотрение этой действительно интересной книги, за сочинение которой к колпаку автора стоило бы привесить

пять желтых бубенчиков и таким образом возвести его в мандарины 5-й степени, – дальнейшее рассмотрение этой книги еще более убедит всех и каждого, что она – действительно китайское творение и вышла из глубочайших недр духа мандарина 5-й степени. Надобно сказать прежде всего, что мысль ее – самая оригинальная и счастливая, хотя и не самая новая, и можно с достоверностью заключить, что мандарин 5-го разряда украл ее из какой-нибудь европейской книги; по крайней мере нисколько нельзя сомневаться в том, чтоб он не понюхал, хоть издалека, Мильтонова «Потерянного рая» в русском прозаическом переводе с лубочными картинками{2}, замысловато изображающими разные райские и адские сцены; не менее того подозрительно, что оный мандарин с пятью бубенчиками слышал о сказке известного европейского писателя Вольтера «Микромегас» и о поэме европейского поэта Томаса Мура «Лалла-Рук», из которой другой европейский поэт так прекрасно перевел на русский язык отрывок «Пери и ангел»{3}. Нельзя не предполагать также и других европейских источников,

которых наскоро не перечтешь, а мы торопимся представить благосклонному вниманию публики великое мандаринское творение. Что же до выполнения основной мысли, оно чисто китайское, и Европа не принимала в нем ни малейшего участия! В чем же состоит основная мысль? – спрашиваете вы. А вот, извольте видеть: по китайской мифологии, владыка и производитель всего мира есть богдыхан Тиен, так же, как по греческой – тучегонитель Зевес. И вот от богдыхана Тисна отложился один из главных его мандаринов 5-го класса и увлек с собою, в своем восстании, целые толпы прежде покорных мандаринов низших степеней, от 5-ой до 14-ой включительно, за что и получил имя Шу-Тие-на, то есть противника богдыхана, а во владение – хаос. Одному из падших мандаринов, именно Цын-Киу-тонгу, пришла в голову фантазия сделать три добрые дела, но так, без всякой цели; хоть ему за это и предлагалось прощение, но он похвастался, что соглашается быть прощен только вместе со всеми товарищами своего падения, а не то – не хочет и слышать о прощении. Подобная гордость при-

дает ему блеск какой-то благородной и величественной поэзии и возбуждает к нему больше удивления и участия, чем к безмолвно покорным мандаринам; но мы увидим, что это было только хвастовство и что китайским мандаринам ни в чем нельзя верить. Цын-Киу-тонг прилетает на землю, погружается в жерло огнедышащей горы, где и встречается с одним из своих товарищей, который тут добывал золото, чтоб посредством его делать зло людям. Цын-Киу-тонг съезживает свое огромное тело в малую точку и из железа делает себе тело, похожее фигурую на человеческое. Тут начинает он творить добро, давая людям золото; но из его добра везде выходит зло. Все это описывается в целых двух частях; во всем этом нет ни тени фантастического, но все это имеет вид холодной, беззубой и скучной сатиры на общие недостатки людей. Цын-Киу-тонг во все это время действует в Китае, большею частью в Кантоне, где сталкивается с англичанами. Прочтя энциклопедистов XVIII века, он так осердился на Запад, что не хотел его и видеть, предпочитая ему невежественный Восток... Уж и видно, что ки-

тайский черт! Однако ж он попадает и в Англию, но, как китаец, ничего хорошего в ней не видит. С третьей части действие начинает идти живее, и – возмись за этот предмет, во-первых, талант, а во-вторых, талант европейский, книга вышла бы преинтересная, преувлекательная; но китайский взгляд на вещи и всесовершеннейшая бездарность испортили все дело. Цын-Киу-тонг входит в тело только что умершего сына одного мандарина с пятью желтыми шариками на колпаке и таким образом знакомится с природою человека, испытывает на себе действие страстей и все возможные ощущения, физические и духовные, поколику последние возможны для китаецца. Он влюбляется, женится, волочится, ест, пьет, спит и между всеми этими занятиями успевает сделать три добрые дела. Первое состоит... в чем бы вы думали? в том, что он казнит литераторов срединной империи, как безнравственных сочинителей. Несмотря на аляповатое изображение и грубые, неправильные черты, в трех китайских писателях можно признать трех европейских – именно Виктора Гюго, Ежена Сю и Жоржа Занда. Все они осуж-

даются к виселице – по-китайски! В. Гюго казнен за то, что варваров предков своих изображал варварами, а не людьми просвещенными и образованными, и за то, что выставлял в ужасном виде ужасные законы древних времен. Мы могли бы и умолчать о подобном невинном вздоре, но нам хочется указать читателям достоинство китайского взгляда на вещи: у китайцев хорошо не хорошее, а старое и заплесневелое; стоячая болотная вода для них высший идеал общественной жизни; как бы ни был ужасен, неразумен, гнусен тот или другой закон, они его никогда не отменят, потому что уважают не разум, не жизнь, не человечество, а только свое старье, как бы оно глупо ни было. Наказав бамбуком и виселицею Гюго, Сю и Занд, Цын-Киу-тонг награждает учеников пекинского училища – да не за познания (ибо он видел, что они решительно ничего не знают, кроме глупых китайских книг, и не могли ему ответить на вопрос – что такое жар и холод), и не за ум и таланты (ибо он видел, что то и другое заменено у них ослиным прилежанием и врожденным каждому китайцу плутовством), а за покорность

и скромность... Как виден китаец в этом поступке!

*Они немножко и дерут,
Зато уж в рот хмельного не берут!{4}*

Вот как рекомендовал их Дзюнь-Вану, которого образ принял Цын-Киу-тонг, начальник их, мандарин Ли-Лао, большой плут и, подобно всем китайцам, великий казнокрад и взяточник:

Вы изволите видеть, как все чиновники, под моим личным начальством состоящие, стройны, скромны и благочинны, как цветущая аллея прекрасных деревьев вашего сада. Никто из них не смеет сказать при мне ни слова, никто не будет ни в чем противоречить мне, никто не сделает лишнего противу предписанных правил. Зато это все чиновники мои, верные охранители порядка в народном просвещении, бескорыстные блюстители чистоты правил, строгие исполнители тайного правосудия и явных милостей. Они во всем берут пример с меня, и я буду самым счастливым мандарином, если

удостоюсь быть тенью светлейшего
Дзюнь-Вана... (ч. III, стр. 201).

Какая отвратительная картина унижения, лести, подлости, покорной рутины, безответной бездарности... Настоящий Китай! Но затем следуют нападки на цеховых литераторов, которых вся вина состоит в том, что в них есть жизнь, выражающаяся хоть криком, и что в них есть дарование, не терпимое китайскою «нравственностью» «...

Второе доброе дело, сделанное Цын-Киутонгом, состояло в том, что он отрекся от девушки, которую любил и которая его любила, и предал ее в холодные и нечистые объятия старика, которого она не любила и супружеские отношения с которым, следовательно, были для нее поруганием, ибо только одна любовь, как преобладающее духовное начало, освящает и самый союз чувственный... Но китайцы думают об этом навыворот, задом наперед, как и обо всем, подлежащем разуму, который заменен у них церемониею: удивительно ли, что гнусное действие китайского черта, Цын-Киутонга, они сочли благородным и благим?.. Третье доброе дело Цын-Киу-

Тонга состояло в том, что он уронил слезу, из которой зародилось солнце, и – забыв свое хвастовство не принимать прощения иначе, как со всеми товарищами своего падения, – вероломно воспользовался соблазнительными предложениями богдыхана Тиена... Уж и видно, что китайский черт – ни искры благородства и чести!..

Тем сказка и кончается: на этом месте и закрывает книгу глубоко скучающий читатель. Мы в начале статьи указали на европейские сочинения, которые подали китайскому мандарину с пятью бубенчиками основную мысль книги, а об изложении сказали, что оно оригинально, то есть чисто китайское; но виноваты – мы ошиблись: по «сочинительским» замашкам, оно есть подражание известному российскому сочинению с раскрашенными лубочными картинками «Не любо, не слушай, а лгать не мешай»; по краскам и вообще художественной отделке, оно есть подражание тоже известным российским сочинениям, вышедшим из народных суздальских литографий, а именно: «Как мыши кота погребают» и «Как пришел Яков, ерша смя-

кал»...

Что касается до перевода этого китайского уродца 5-го класса, – он довольно плох. Заметно, что кяхтинский промышленник не знает первых оснований русского языка, не знает одного из самых главных правил русского синтаксиса, что деепричастие придаточного и глагол главного предложения должны непременно иметь одно подлежащее и что иначе будет выходить галиматья. По этой причине кяхтинский промышленник беспрестанно впадает в китаизмы, – чему следуют доказательства: «А потому он продолжал сгущение массы своего тела и наконец достиг до того, что, опустясь (?) почти к самой земле, горизонт его зрения ограничивался уже небольшою дугою всего шара» (ч. 1, стр. 86). Кто же опускался к земле – *он* или горизонт? – «Действительно, *употребив* небольшое усилие, *ход* с треском развалился» (ч. 1, стр. 102). *Ход* употребил небольшое усилие и с треском развалился... очень хорошо! – «*Обхватя* толстый сук, на котором он сидел, *глаза* его приходились у самой шелковой ткани» (ч. III, стр. 168). Глаза обхватили толстый сук и пришлись у

самой шелковой ткани... Превосходно! – Ну, кяхтинские промышленники не похвалятся особенною грамотностию!..

Сноски

1

Не удивительно, что мандарин, писавший эту книгу, не упоминает о Ломоносове, Мерзлякове, Гнедиче, Крылове и Пушкине, взысканных милостями монархов: иностранцу, и притом еще китайцу, извинительно не знать всех подробностей, относящихся к истории русской литературы.

[^^^]

2

Удивительно, за какие вздорные сочинения делают в Китае мандаринами 5-й степени!

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

Курсив в словах *то оттого там, это* принадлежит Белинскому; в остальных случаях курсив автора.

[^^^]

2

Вероятнее всего, имеется в виду издание «Потерянного рая» Д. Мильтона в переводе Ф. Загорского, со многими иллюстрациями (М., изд. 3-е, 1839).

[^^^]

3

Рассказ певца Фераморза «Рай и Пери» из поэмы Т. Мура «Лалла Рук» (1817) в русском переводе В. А. Жуковского был озаглавлен «Пери и ангел» (1821).

[^^^]

4

Неточная цитата из басни И. А. Крылова «Музыканты» (1808).

[^^^]

[^^^]